

**РЕЦИПИЕНТ В ИСПОВЕДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ:
РОЛЬ И МЕСТО АДРЕСАТА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСПОВЕДИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**
**THE RECIPIENT IN THE CONFESSIONAL DISCOURSE:
THE ROLE AND PLACE OF THE ADDRESSEE IN THE LITERARY
CONFESSION OF THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY**

РАКОВА Ирина Владимировна

доцент, кандидат филологических наук

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»

Высшая школа международных образовательных программ
г. Санкт-Петербург, Россия

RAKOVA Irina Vladimirovna

Associate Professor, PhD in Philology

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University - Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
Higher School of International Educational Programs
Saint Petersburg, Russia

Цель данного исследования – определить, посредством каких речевых средств проявляется присутствие адресата в литературной исповеди XIX века и каковы взаимоотношения адресанта и реципиента на примере текстов «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Записки сумасшедшего» Л.Н. Толстого.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении исповедального дискурса как диалогичной структуры, организованной с установкой на «дру-

гое» сознание, с последующим выявлением различных типов адресата в зависимости от характера его взаимоотношений с адресантом.

В результате исследования удалось установить, что в литературной исповеди XIX века адресант, интересуясь мнением адресата о каком-либо положении дел, ставит себя в ситуацию коммуникативного ожидания и выступает уже не как информатор, а как реципиент, воспринимающий «опыт адресата и его знание», с которым в дальнейшем он соотносит свой опыт. Собственно инициативная роль трансформируется в реактивную.

В зависимости от характера отношений с реципиентом и интенций адресанта были выявлены различные типы адресата: адресат-информатор, адресат-контрагент, автоадресат. Им соответствуют три исповедальные ситуации, представленные в данных текстах: каноническая ситуация исповеди, исповедь как ментально-психологический диссонанс и исповедь-саморефлексия.

Ключевые слова: *говорящий, реципиент, исповедальный дискурс, коммуникативные отношения, иллокутивная цель.*

The purpose of this study is to determine by which speech means the presence of the addressee is manifested in the confessional discourse of the XIX century and what are the relations between the addressee and the recipient on the example of the texts "Diary of an extra person", "Diary of an extra person" by I.S.Turgenev, "Notes from the underground" by F.M.Dostoevsky and "Notes of a Madman" by L.N. Tolstoy.

The scientific novelty of the work lies in the consideration of confessional discourse as a dialogical structure organized with an attitude to the "other" consciousness, followed by the identification of various types of addressee depending on the nature of his relationship with the addressee.

As a result of the study, it was found that in the case of confessional discourse, the speaker, being interested in the addressee's opinion about any state of affairs, puts himself in a situation of communicative expectation and acts no longer as an informant, but as a recipient, perceiving "the addressee's experience and knowledge",

with which he further correlates your experience. Actually, the initiative role is transformed into a reactive one.

Depending on the nature of the relationship with the recipient and the intentions of the speaker, various types of addressee were identified: addressee-informant, addressee-counterparty, auto-addressee. They correspond to three confessional situations presented in these texts: the canonical situation of confession, confession as a mental and psychological dissonance and confession-self-reflection.

Key words: *speaker, recipient, confessional discourse, communicative relations, illocutionary goal.*

В последнее время в современной лингвистике особую **значимость и актуальность** приобретают так называемые тексты личного происхождения или «эго-тексты» [17] с точки зрения реализации в них диалогического принципа самосознания. При этом наибольший интерес вызывает вопрос взаимодействия точек зрения адресанта и реципиента в сознании говорящего. Данную проблему мы решили рассмотреть на примере литературной исповеди 19 века как «интраперсонального речевой акт», так как именно в линейном развёртывании повествования осуществляются переключения от сообщения и оценки информации к различным формам обращения к адресату [13].

При рассмотрении фрагментов, представляющих фатический речевой жанр в «Дневнике лишнего человека» И.С. Тургенева, «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского и «Записках сумасшедшего» Л.Н. Толстого, обращает на себя внимание обилие глаголов речи и глаголов интеллектуальной деятельности при обозначении гипотетической реакции реципиента и при призыве его к действию:

«Скажите на милость, кому не известно всё это?» [15, с.110].

«Мне могут заметить, что и этого никто не спрашивает...» [15, с.72].

«Ну, теперь, скажите на милость...» [15, с.110].

«Можете себе представить, с каким радостным изумлением она согласилась на моё предложение!» [15, с.93].

«и вам, когда вы говорите о них, слово «лишний» не первое приходит на язык» [15, с. 73].

«Как тут прикажете узнать, что ладно и что не ладно» [15, с.84].

«Наверное, вы думаете, господа» [5, с. 288].

«Не понимаете и теперь» [5, с. 296].

«Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чём-то перед вами рас-каиваюсь» [5, с. 288].

Данные глаголы, характеризуя «внешнего» и «внутреннего» человека, «входят в состав маркеров собственного мнения» [11]. Следовательно, их употребление при характеристике адресата отсылает нас к плану его сознания и активизирует наравне с коммуникативной интенцией «вступление в общение» иллокутивную цель «апеллирование к знанию и мнению реципиента».

Глагол «кажется», как отмечает Е.В. Падучева: «несёт в себе элемент диалогичности: в речевом режиме он означает, что говорящий не просто выражает мнение, а приглашает слушателя разделить с ним это мнение» [10, с 280].

Говорящему необходимо установить точку зрения другого лица на тот или иной релевантный для него факт, редуплицирующую, в конечном счёте, жизненный опыт адресата, и сопоставить со своей точкой зрения, что должно привести к самопознанию. Происходит своего рода «двойной» диалог: с другим и через его посредство с самим собой. Сопоставляя своё мнение и знание с мнением и знанием гипотетического «другого», говорящий пользуется приёмом рассмотрения себя через «другого». Соответственно, адресат становится не только фактором организации повествования, но и дополнением в формировании образа адресанта, доведении его до целостности. Причём в ряде случаев мнение слушающего представлено в тексте как уже выясненное.

«когда вы говорите о них, слово «лишний» не первое приходит на язык» [15, с. 73].

«Я вовсе не такой развесёлый человек, как вам кажется» [5, с. 288].

«вы думаете, что я пишу всё это из форсу» [5, с. 286].

«вы думаете, что я вас смешить хочу?» [5, с. 288].

*«вы повторяете мне, что не может просвещённый и развитой человек за-
знамо захотеть чего-нибудь для себя невыгодного» [5, с. 310]*

В итоге происходит изменение соотношения речевого поведения адресанта и адресата. Обычно в условиях диалога собственно коммуникативная роль реципиента заключается в словесной реакции на инициативные реплики говорящего, т. е. в ответном речевом действии, которое довольно часто предполагается адресантом.

В случае исповедального дискурса говорящий, интересуясь мнением адресата о каком-либо положении дел, сам ставит себя в ситуацию коммуникативного ожидания и выступает уже не как информатор, **а как реципиент, воспринимающий «опыт адресата и его знание»**, с которым в дальнейшем он соотносит своё. Адресат «задаёт» говорящему какой-нибудь свой признак (мысль, оценку, вкус, мнение), на который последний должен среагировать, и тем самым стимулирует повествование.

Данная ситуация запроса информации и реакции на неё напоминает интервью. В результате коммуникативная интенция «произвести желаемое воздействие» уступает место задаче «узнать мнение слушающего и отреагировать на него, сопоставив со своим». **Собственно инициативная роль трансформируется в реактивную.**

На этот факт указывает также многочисленное употребление в фатических комплексах текстов-исповедей реактивных частиц, таких как «разве», «неужели», а также вводных слов, содержащих в своём значении элемент реакции на предшествующее суждение, и элементов имплицитного диалога.

Что касается указанных частиц, то их иллокутивным значением является указание на диалогический контекст: «частицы используются в «ответных репликах», в предложениях, представляющих собой реакцию на некоторое событие» [2, с. 30].

«.....разве любовь – естественное чувство? Разве человеку свойственно любить?» [15, с. 83].

«Неужели ж этому всему двадцать лет?» [15, с. 71].

«Неужели я умру завтра?» [15, с. 112].

«Неужели же, может быть, сегодня» [15, с. 111].

«.....да неужели же я тогда ей позавидовал?» [5, с. 381].

«Да разве можно, разве можно хоть сколько-нибудь уважать себя человеку, который даже в самом чувстве собственного унижения посягнул отыскать наслаждение?» [5, с. 296].

«Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания это инерция» [5, с. 297].

Обращает внимание тот факт, что данные частицы в своём значении содержат элемент сомнения, что указывает на возможность альтернативы выясняемого мнения и знания и подтверждает гипотетичность адресата и его многоплановость. Адресат представляет собой ряд возможных оппонентов, живущих в сознании говорящего и позволяющих субъекту речи рассмотреть себя с различных точек зрения.

Высказывания, содержащие реактивную частицу «да», редуплицируют точку зрения адресата и одновременно выражают реакцию говорящего, заключающуюся в согласии.

«Да, хорошо, хорошо отделаться, наконец, от томящего сознания жизни» [15, с. 66].

«Да, мне жутко» [15, с. 111].

«Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и обязан быть существом бесхарактерным» [5, с. 288].

Аналогична роль реактивных вводных слов «конечно», «разумеется», отсылающих к опыту слушающего как ранее представленному и вызывающих ответную реакцию говорящего.

«Разумеется, я не пробью такой стены лбом» [5, с. 294].

«Конечно, от скуки чего не выдумаешь!» [5, с. 303].

«С товарищами моими я, разумеется, дружества не выдержал» [5, с. 320]

«Я, разумеется, не сумею вам объяснить» [5, с. 286].

При «имплицитном диалоге» реплики говорящего, являясь повторами-реакциями на скрытые высказывания адресата, эксплицируют их в тексте.

«Он глуп, я в том с вами не спорю...» [5, с. 292].

«Невозможность значит каменная стена? Какая каменная стена?» [5, с. 294].

Таким образом, как показывают наблюдения, коммуникативная тактика говорящего в фатических блоках включает не столько контакто-устанавливающую цель, сколько цель апеллирования к опыту и знанию адресата и оптимального выявления своего «я».

Следующий вопрос касается того, что представляет собой выясненная точка зрения реципиента для адресанта.

В рассмотренных текстах складываются различные образы адресата, выявляя и подчёркивая личностные особенности героя-повествователя.

В тексте И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека», как об этом свидетельствуют языковые данные, адресат является носителем общего знания, т. е. знания, приписываемого «любому, всякому субъекту».

На обобщённый характер знания адресата указывает употребление при обозначении реципиента:

- существительных с обобщённым значением;
- местоимений 2-го лица в обобщённом значении;
- глагольных форм «вневременного настоящего», появляющегося при описании «вечных истин»;
- вводных конструкций, указывающих на то, что действие или признак распространяются на всех.

«Разве человеку свойственно любить?» [15, с. 83].

«Счастливый человек-что муха на солнце» [15, с. 79].

«Пока человек живёт» [15, с. 71].

«Несчастье людей одиноких и робких.....» [15, с. 83]

«Когда страдания наши доходят до того, что заставляют нашу внутренность трещать» [15, с. 101].

В случае употребления в тексте существительного с обобщённым значением «человек» и притяжательного местоимения 2-го лица речь идёт о «повторяющейся ситуации»: «в пределах одной, отдельно взятой ситуации «вы» соотносится с конкретным инстантом, но, поскольку ситуация повторяется, эта соотносённость понимается обобщённо» [3, с. 337].

Следовательно, рассматриваемые предложения приобретают черты универсальных высказываний, т. е. таких, «которые содержат некоторую стереотипную внеязыковую ситуацию и представляют её в определённой коммуникативной ситуации» [12, с. 91–92].

Воспринимая знание/опыт слушающего и идентифицируя его как общий опыт, говорящий приобщается к нему и оценивает как **норму**.

Об объединении точек зрения адресанта и адресата свидетельствует употребление в тексте местоимения «мы», в случае которого «происходит отождествление говорящего с целым социумом, возникает ощущение и убеждение, что я поступаю как все» [16, с. 107].

«..... но что нам за дело до мнения русского учителя [15, с. 69].

«На молчание-то мы все горазды» [15, с. 75].

«Возвратимся к рассказу» [15, с. 69].

Таким образом, субъект повествования в «Дневнике лишнего человека», как мы уже ранее отмечали, расценивает точку зрения реципиента как **норму**, то есть мнение слушающего становится для говорящего критерием правильности, истинности, с которым он соотносит своё мнение и воспринимает его как соответствующее или несоответствующее правилу.

«Я, разумеется, как водится в таких случаях, сперва наклонил голову» [15, с. 77].

«.....придал моим волосам живописную небрежность и, как это иногда случается, внезапно углубился в созерцание моего лица» [15, с. 77]

«..... что, как известно, служит признаком отличного воспитания» [15, с. 77].

То есть можно констатировать, что коммуникативные отношения адресанта и адресата речевой ситуации в тексте «Дневника лишнего человека» демонстрируют если не гармонию, то согласованность, взаимопонимание. В целом данная речевая ситуация чем-то напоминает ситуацию церковной исповеди: мнение реципиента олицетворяет ту или иную заповедь, которой следует или не следует исповедующийся адресант.

Адресат при этом для говорящего в «Дневнике лишнего человека» «представляет собой то «не-я», к которому он обращается как к инстанции проверки истинности или ложности своих высказываний» [9, с.8].

В тексте «Записок из подполья» точка зрения реципиента так же, как в «Дневнике лишнего человека», обладает обобщённым характером. Однако обобщённость в исповедальном дискурсе у Достоевского иного плана.

Генеритивный опыт людей вообще приобретает конкретных носителей. Образ адресата усложняется и становится собирательным.

В качестве субъекта действия в предложениях, презентующих план реципиента, выступает существительное в форме множественного числа «господа» и местоимение «вы» в обобщённом значении.

«Наверное, вы думаете, господа...» [5, с. 288].

«..... вы думаете, что я пишу всё это из форсу» [5, с. 286].

«Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чём-то перед вами раскаиваюсь» [5, с. 288].

«Господа, вы меня извините.....» [5, с.305]

Отношение субъекта повествования к реципиенту также претерпевает изменения. Мнение адресанта и адресата не только не совпадает, но и частенько контрастирует.

«Наверное, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу? Ошиблись и в этом» [5, с. 288].

«Вот вы этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю» [5, с. 286].

«Я вовсе не такой развесёлый человек, как вам кажется» [5, с. 288].

В ряде случаев одной из иллокутивных целей говорящего становится доведение до сознания слушающего своей точки зрения на то или иное явление окружающего мира. В речи адресанта используется такой глагол ментального воздействия, как «объяснить».

«Я вам объясню: наслаждение было тут от яркого сознания своего унижения» [5, с. 286].

«Я, разумеется, не сумею вам объяснить» [5, с. 286].

«Но я объяснюсь! Я-таки доведу до конца» [5, с. 290].

«Как это объяснить? А вот как...» [5, с. 290].

При этом каждый раз он сталкивается с непониманием адресата, вернее сказать, он расценивает реакцию реципиента как «непонимание».

«Вот вы этого не изволите понимать» [5, с. 286].

«Не понимаете и теперь, господа» [5, с. 296].

В результате возникает ситуация несовместимых идейных установок (обозначим её как **ситуацию психологического или ментального диссонанса**), а адресат выступает в качестве **контрагента**.

Текст «Записок сумасшедшего» как реализация исповедального дискурса достаточно сильно отличается от рассмотренных выше текстов И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. Апеллятивной, ориентированной на другое «я» речи в «Дневнике лишнего человека» и «Записках из подполья» противостоит автоадресованная речь в «Записках сумасшедшего».

В данном случае роль адресата как контрагента абсолютизируется: говорящего не удовлетворяет ни одна из существующих точек зрения, в результате чего он концентрируется на себе самом.

Подтверждением сказанному служит не только отсутствие в тексте проявлений «внешней» обращённости речи (обращённости к другому лицу или нелицу): таких как обращение к «другому», употребление второго лица, повелительное наклонение и вопрос, адресатом которых выступает не субъект повествования, но и наличие блоков, моделирующих «внутренний диалог», проценти-

рующий внутреннюю речь. При этом адресатом выступает сам субъект повествования, что, в свою очередь, усиливает момент автоадресованности.

«От чего, куда я убегаю? – Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать» [14, с. 410].

«Да что за глупость, – сказал я себе» [14, с. 410].

«..... лучше бы бояться привидений, чем того, чего я боюсь. – Чего? – Ничего... Себя...» [14, с. 413].

«Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придёт? Боюсь ещё хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть» [14, с. 413].

Эта замкнутость на себе свидетельствует о том, что перед нами автоадресованное повествование, характеризуемое «внутренней» обращённостью речи. Если же мы будем понимать под «обращённостью», «адресованностью» только её «внешний» вариант, т.е. обращённость к другому лицу или не-лицу, то можно предположить, что «Записки сумасшедшего» представляют собой пример **«безадресатной речевой стратегии»** [1], сутью которой является сфокусированность на собственном «я» и собственном повествовании.

Своего рода проявлением «автоадресованности» или «безадресатности» становится отсутствие обобщённости, генеритивности информации. Все высказывания повествователя в «Записках сумасшедшего» абсолютно эгоцентричны. В тексте не обнаруживаются никакие лексико-синтаксические приметы обобщённости, универсальности информации, что, в свою очередь, противопоставляет повесть Л.Н. Толстого рассмотренным выше текстам-исповедям.

Своего рода проявлением отсутствия обращённости речи субъекта повествования можно считать **«реферативность»** [1] и **тезисность** речи в исповеди Л.Н. Толстого.

С точки зрения Н.Д. Арутюновой: «Реферативность <...> проявляется в том, что, репрезентируя событие, субъект лишь называет его, но не раскрывает характера его протекания, не называет его в конкретности. Тем самым то, что представляло бы коммуникативную ценность для других адресатов, остаётся вне текста» [1].

Под тезисностью понимается свёрнутость, сокращённость, простота синтаксиса, а также в ряде случаев его обрывчатость.

«Поездка была для меня очень весёлая <...> Новые места, новые люди. Мы ехали, веселились» [14 с. 409].

«Подъехали к городу. Народ весь уж спал. Дома пошли кое-где большие белые. И всё это невесело было» [14 с. 409].

«Мне всё было скучно. И я стал набожен. <...> Тоски не повторялось дома. Но раз я поехал неожиданно в Москву. <...> Было дело в процессе. Я приехал в Москву весело» [14 с. 412].

«Да, привидений ... лучше бы бояться привидений, чем того, чего я боюсь. – Чего?– Ничего... Себя... Ну вздор» [14 с. 413].

«Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придёт? Боюсь ещё хуже» [14 с. 413].

«Я пошёл назад. Опять не то. Я поглядел. Опять пошёл назад. Ноги устали» [14 с. 415].

При этом, помимо нивелиризации обращённости речи повествователя указанные черты демонстрируют тенденцию к монопредикативности, когда информативный объём текста соответствует количеству предложений [8], что, в свою очередь, манифестирует снижение степени информативной плотности текста.

Данное явление, по замечанию Г.А. Золотовой, характерно для письменной речи детей до семи лет, когда ещё «не владея правилами пунктуации и построения полипредикативных конструкций, не подчиняя свои сообщения общей текстовой тактике, они на письме отражают естественное движение человеческой мысли» [6, с. 227].

В случае же «Записок сумасшедшего» можно предположить, что перед нами стремление найти форму передачи естественных реакций, прежде всего на себя и на свои поступки, а также на окружающий мир.

И именно выявленные нами качества, такие как реферативность, тезисность, отсутствие обобщённости, пропуск темы представляют собой качества внутренней речи.

Кроме этого, средством моделирования структуры и динамики внутренней речи становится появление ответной реакции на автоадресованные вопросы, поскольку «вопросо-ответная структура в условиях эгоцентричного повествования способна воспроизводить динамику эмоционального или мыслительного процесса, ход размышлений, вопросы <...> возможные ответы, снова вопросы. Таким путём передаётся внутренняя работа мысли» [7, с. 131].

В случае текста Л.Н. Толстого «Записки сумасшедшего» данный метод стилизации потока сознания приобретает особую актуальность, поскольку демонстрирует тот оригинальный стиль «внутреннего монолога», «чистой мысли», о котором писал ещё В.В. Виноградов: «Толстой, – по его словам, – впервые в русской литературе подверг художественной переработке и перевёл на язык художественной прозы формы внутренней речи, на их основе построив оригинальный стиль «внутреннего монолога» [4, с. 181]. При этом возникает «отрывочный, фрагментарный синтаксис», воплощающий «целый поток сознания, разнообразную серию внутренних переживаний, восприятий и воспоминаний» [4, с. 181].

«Подъехали к городу. Народ весь уже спал» [14 с. 409].

«Мне всё было скучно. И я стал набожен. Тоски не повторялось дома. Но раз я поехал в Москву. Было дело в процессе» [14 с. 412].

«Я пошёл назад. Опять не то. Я поглядел. Опять пошёл назад. Ноги устали» [14 с. 415].

Таким образом, прагматическая ситуация исповеди в «Записках сумасшедшего» отличается от той, которую мы наблюдали в «Дневнике лишнего человека» и «Записках из подполья»: исповедь-общение трансформируется в **исповедь-саморефлексию**.

Рассмотрев три исповедальных текста XIX века, мы пришли к следующим **выводам**.

В случае исповедального дискурса говорящий, интересуясь мнением адресата о каком-либо положении дел, сам ставит себя в ситуацию коммуникативного ожидания и выступает уже не как информатор, а как реципиент, воспринимающий «опыт адресата и его знание», с которым в дальнейшем он соотносит свой опыт.

Данная ситуация запроса информации и реакции на неё напоминает интервью. В результате коммуникативная интенция «произвести желаемое воздействие» уступает место задаче «узнать мнение слушающего и отреагировать на него, сопоставив со своим». Собственно инициативная роль трансформируется в реактивную.

При этом адресат выступает как структура, включающая следующие составляющие:

- коммуникативная функция;
- способность/неспособность реагировать;
- установление отношений с говорящим;
- характер знания и опыта, слушающего;
- характер обобщённости знания слушающего.

В зависимости от реализации данных компонентов в рассмотренных нами текстах-исповедях были воплощены три типа адресата:

- адресат-информатор, репрезентирующий «норму», так скажем «истинное знание», с которым сопоставляется точка зрения говорящего;
- адресат-контрагент, мнение которого воспринимается говорящим как противоположное его мнению;
- автоадресат.

Им соответствуют три исповедальные ситуации, представленные в данных текстах.

В тексте И.С. Тургенева реализовалась **каноническая ситуация исповеди**, восходящая к своему религиозному аналогу, в котором мнение реципиента приравнивается к заповеди.

В «Записках из подполья» перед нами **ситуация ментально-психологического диссонанса**, в которой точка зрения слушающего становится толчком для дальнейшего повествования как не воспринимаемая адресантом.

И, наконец, в тексте Л.Н. Толстого исповедь трансформируется в **исповедь-саморефлексию**, исключая «другое я».

Следовательно, адресат, точнее, тип адресата демонстрирует определённую психологическую ситуацию, заявленную в том или ином исповедальном тексте.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблемы мы видим в более детальном изучении фактора адресата в исповедальных текстах XX и XXI веков с точки зрения сохранения/изменения характера его отношений с адресантом и роли в структурно-композиционной системе текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Арутюнова Н. Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. и др. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

2. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. О семантике частиц «разве» и «неужели» // Научно-техническая информация: Серия 2. Информационные процессы и системы. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1987. – № 10. – С. 23-30.

3. Булыгина Т.В., Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Шк. «Мастера рус. культуры»: Кошелев, 1997. – 574 с

4. Виноградов В.В. О языке Толстого // Литературное наследство. в 99-ти т.- Том 35/36: Л.Н. Толстой. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – 567 с.

5. Золотова Г.А. Онипенко Н.К. Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика языка. – М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

6. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 205 с.

7. Кожевникова Квета. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. Сб. статей под. ред. Г. А. Золотовой. - М.: Наука, 1976. - 316 с.

8. Медарич М. Автобиография/Автобиографизм // Автоинтерпретация. Сб. ст. под ред. А.Б. Муратова и Л.А. Иезуитовой. – Спб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 75-32.

9. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – 464 с.

10. Прохорова С.М. Образ homo sapiens в русском языке // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003г. Пленарные заседания сборник докладов. В 2-х т. Т.1 / Под редакцией Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. – Спб.: Политехника, 2003. – С. 284–290.

11. Радзиевская Т.В. Прагматический аспект афористических текстов/ / Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., М., 1988. – Т. 47, № 1. – С. 89–98.

12. Ракова И.В. Речевые черты жанра литературной исповеди второй половины XIX века: дисс. канд. филол. наук. – Спб., 2003. – 235 с.

13. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Рус. яз., 2002. – 213 с.

14. Швец А.В., Аникудимова Е.Н. Личное повествование как проблема. XX Фулбрайтовская гуманитарная летняя школа «Личное повествование как живая история» // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 3. – С. 421–427.

LITERATURE

1. Arutyunova N.D. Genres of communication // Arutyunova N. D., Bulygina T.V., Kibrik A.A. et al. The human factor in language. Communication, modality, deixis / ed. by T. V. Bulygin. – М.: Nauka, 1992. – 260 p.

2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. About the semantics of the particles "is" and "really" // Scientific and technical information: Series 2. Information processes and

systems. – News of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language, 1987. – No. 10. – pp. 23-30.

3. Bulygina T.V., Linguistic conceptualization of the world: (Based on the material of Russian grammar) / T. V. Bulygina, A.D. Shmelev. – M.: Shk. "Masters of Russian culture": Koshelev, 1997. – 574 p.

4. Vinogradov V.V. About Tolstoy's language // Literary heritage. in 99 volumes - Volume 35/36: L.N. Tolstoy. I. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. – 567 p.

5. Dostoevsky F.M. Notes from the underground // Dostoevsky F.M. Notes from the dead house; Notes from the underground; Eternal husband; Meek. – L.: Lenizdat, 1990. – 573 p.

6. Zolotova G.A. Onipenko N.K. Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the language. – M.: Philol. fac. Lomonosov Moscow State University, 1998. – 524 p.

7. Kovtunova I.I. Poetic syntax. – M.: Nauka, 1986. – 205 p.

8. Kozhevnikova Kveta. Formation of the content and syntax of a literary text // Syntax and stylistics. Collection of articles edited by G. A. Zolotova. - M.: Nauka, 1976. - 316 p

9. Medarich M. Autobiography/Autobiographism // Autointerpretation. Collection of articles edited by A.B. Muratov and L.A. Jesuitova. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1998. – S75–32.

10. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative). – M.: Shk. "Languages of Rus. Culture", 1996. – 464 p.

11. Prokhorova S.M. The image of homo sapiens in the Russian language // Russian word in world culture. Materials of the X Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. St. Petersburg, June 30 – July 5, 2003. Plenary sessions collection of reports. In 2 vols. Vol.1 / Edited by E.E. Yurkov, N.O. Rogozhina. – St. Petersburg: Polytechnic, 2003. – pp. 284-290.

12. Radzievskaya T.V. The pragmatic aspect of aphoristic texts/ / Izv. AN USSR. Ser. lit. and yaz., M., 1988. – Vol. 47, No. 1. – pp. 89-98.

13. Rakova I.V. Speech features of the genre of literary confession of the second half of the XIX century: dissertation of the Candidate of Philology. sciences. – St. Petersburg, 2003. – 235 p.
14. Tolstoy L.N. Notes of a madman // L.N. Tolstoy; under the general editorship of S.A. Makashin and L.D. Opulskaya. – M.: Pravda, 1984. – Vol. 12. – 511 p.
15. Turgenev I.S. Diary of an extra person // Turgenev I.S. Favorites.-M.: Sovremennik, 1979. – 605 p.
16. Formanovskaya N.I. Speech communication: a communicative and pragmatic approach. – M.: Rus. yaz., 2002. – 213 p
17. Shvets A.V., Anikudimova E.N. Personal narration as a problem. XX Fulbright Humanitarian Summer School "Personal narrative as a living history" // New Literary Review. – 2018. – No. 3. – pp. 421-427.